

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ОБОНЕЖЬЯ В КОНЦЕ XV в.

Чибисов Борис Игоревич,

*кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теологии
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
(г. Тверь, РФ), Chibisov.BI@tversu.ru*

Введение. На южном побережье Онежского озера сохранился значительный пласт прибалтийско-финских географических названий. Средневековая этническая история этого региона остается слабоизученной. Это связано с тем, что концом XV в. датируются новгородские писцовые книги, топонимический и антропонимический материал которых остается не вполне востребованным историками. Изучение этого материала дает возможность пролить свет на этническую историю южного Обонежья.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужила писцовая книга Обонежской пятины 7004 (1495/96) г. Deskриптивный метод исследования состоит в выявлении и фиксации прибалтийско-финских ойконимов (названий сельских поселений) и антропонимов, упоминаемых в писцовых книгах. Прибалтийско-финские антропонимы выявлены на основе анализа формальных показателей заимствования антропонимов.

Результаты исследования и их обсуждение. Судя по данным топонимии и антропонимии писцовой книги, население южного Обонежья было смешанным: оно состояло из славян, карел и вепсов. Карелы присутствовали на Олонецком перешейке и в юго-западном Прионежье. Во многом это обусловлено их миграционным потоком из северо-западного Приладожья. Вепсы проживали на обширных территориях юго-восточного и юго-западного Прионежья, бассейна реки Свири и на Оште. Этнографические исследования показали, что многие вепские поселения сохранились с конца XV в. до середины XX – начала XXI в.

Заключение. Имеющиеся фрагменты писцовой книги и новгородские акты говорят о том, что к концу XV в. южное побережье Онежского озера было заселено представителями различных этнических групп: славянами, карелами и вепсами. Об этом же свидетельствуют данные антропонимии и топонимии южной части Обонежской пятины.

Ключевые слова: Новгородская земля; писцовые книги; Обонежье; ономастика; карелы; вепсы.

Для цитирования: Чибисов Б. И. Этнический состав населения южного Обонежья в конце XV в. // Финно-угорский мир. 2019. № 2. С. 195–204.

Введение

Полиэтничность населения средневековой Новгородской земли ярко иллюстрируется на примере Обонежской пятины, наиболее крупной по площади из новгородских пятин, сформированной вокруг Онежского озера. Обонежье не было единым пространством в этнокультурном отношении. Известная с XVI столетия Нагорная половина пятины, расположенная к югу от Онежского озера, включала в себя обширные территории, заселенные славянами, карелами и вепсами. При всем внимании, которое уделяют лингвисты этому региону, его средневековая этническая история остается слабоизученной в связи с тем, что топонимический и антропонимический материал, содержащийся в новгородских писцовых книгах конца XV в., остается

не вполне востребованным со стороны историков.

Между тем одной из особенностей современной исторической науки является использование междисциплинарного подхода, важная грань которого – посильное возрождение историко-филологического единства в исследованиях. В статье осуществлена попытка аккумулировать достижения смежных дисциплин, опираясь, прежде всего, на применение исторической ономастики, без которой изучение межэтнических отношений невозможно.

Обзор литературы

Большинство историков, писавших о Новгородской земле, так или иначе касались истории населявших ее этносов. Учитывая длительную традицию россий-

ской историографии и значительное количество исследований, в данном разделе следует уделить внимание только тем концептуальным работам, которые напрямую относятся к этнической истории южного Обонежья в XV в.

Средневековую историю вепсов по данным писцовых книг Обонежской пятины затронул В. В. Пименов. Анализ топонимов в его книге, согласно авторской характеристике, «самый поверхностный». При этом, по мнению Пименова, писцовые книги – это довольно надежный источник по этнической истории: учет всех неславянских имен, прозвищ и топонимов позволяет точно определить, какой именно этнос новгородские писцы подразумевали в том или ином месте. Применительно к концу XV в. Пименов строил выводы на материале не только современной тому периоду писцовой книги 1495/96 г., но и более поздней книги 1564 г. [9]. Такая ретроспекция характерна для всех дальнейших исследований этнической истории Обонежья, поскольку писцовая книга 1495/96 г. сохранилась в отдельных фрагментах.

Эстонская исследовательница М. Йоалайд подчеркнула, что писцовые книги содержат лишь косвенные данные о проживании вепсов. Свидетельством неславянских истоков заселения выступает топонимия прибалтийско-финского происхождения, а также тот факт, что значительная территория, описываемая писцовой книгой 1495/96 г., входит в вепский ареал, изученный этнографами. По мнению Йоалайд, славянская антропонимия не всегда означает, что жители были славянами; в то же время топонимы прибалтийско-финского происхождения не всегда однозначны, так как мы можем иметь дело с обрусевшим населением [2; 3]. В ряде работ Йоалайд представлены результаты этимологического исследования вепских топонимов, зафиксированных писцовой книгой Обонежской пятины 1495/96 г. [4; 18; 19]. Автор соотнесла вепские названия деревень конца XV в. с поселениями XX в. и пришла к выводу, что в большинстве деревень, известных в средневековье, вепсы проживали как минимум до середины XX в.

Современные работы, посвященные вепской истории и культуре, носят преимущественно этнографический характер, а период средневековья описан в очерковой форме. З. И. Строгальщикова лишь заметила, что Обонежская пятиня объединяла земли с вепским населением [15]. С. Б. Егоров в своем исследовании уделит внимание некоторым поселениям, где в XIX–XX вв. этнографы отмечали вепсов. Автор заметил, что многие названия вепских деревень были зафиксированы в писцовой книге 1495/96 г., при этом сами жители носили в основном календарные имена, что говорит о тесных этнокультурных контактах славян-христиан и вепсов¹. Однако в работе Егорова обращение к писцовым книгам и новгородским актам носит, скорее, иллюстративный характер, нежели систематический.

Существует обширный комплекс лингвистических исследований, основанных на топонимическом материале Обонежья. Крупные работы в этой области принадлежат И. И. Муллонен [8], Е. В. Захаровой², А. В. Приображенскому [12], А. И. Соболеву [14]. Авторы выявили топонимические системы Обонежья – славянскую, карельскую, вепскую и саамскую. Серьезными достижениями являются фиксация конкретных топонимических основ, определение их языковой принадлежности и этимологии.

Таким образом, имеется небольшое количество этноисторических исследований, касающихся южного Обонежья в XV в. Более того, ономастические данные писцовых книг систематически исследователями не привлекались, в связи с чем требуется специальное обращение к этой проблематике.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужила писцовая книга Обонежской пятины 7004 (1495/96) г. Описание Обонежской пятины 1495/96 г. проводи-

¹ См.: Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

² См.: Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015.

лось под руководством Юрия Константиновича Сабурова. В 1501 г. он был наместником в Кореле. Книга Сабурова сохранилась с большими утратами текста – остались только ее отрывки. В историографии длительное время бытовало представление о дефектности материалов писцового описания Обонежья. Издание, подготовленное А. М. Андрияшевым, вышло в 1930 г. как первый выпуск «Материалов по истории Карельской АССР», где были опубликованы сохранившиеся части писцовой книги 1495/96 г. Подавляющее большинство погостов (10 из 12), описание которых сравнительно полное, относились к территории, расположенной к югу от Онежского озера. Писцовое описание донесло до нас топонимические и антропонимические данные как славянского, так и прибалтийско-финского происхождения.

Изучение прибалтийско-финского топонимического и антропонимического материала осуществлялось при помощи различных методов. Дескриптивный метод состоит в выявлении и фиксации прибалтийско-финских ойконимов (названий сельских поселений) и антропонимов, упоминаемых в писцовых книгах. Отмечены различные типы прибалтийско-финских ойконимов. В основе «вторичных», или локативных, ойконимов, лежали названия физико-географических объектов, распространившиеся на образованные при них поселения (*деревня в Лахте, деревня в Пягвиярве* и др.). Особое место занимают наименования поселений, образованные посредством онимизации локальных физико-географических терминов, отражающих характер местности. В этой группе ойконимов находятся названия, восходящие к финноязычным географическим терминам и / или имеющие их в своей структуре: *Мягисела* (*mägi* ‘гора’), *Сарь* (*suari* ‘остров’) и др. Кроме того, в работе уделяется внимание неславянским ойконимам, образованным от прибалтийско-финских некалендарных имен (*Игалово, Лембитово*) и календарных антропонимов в неславянской форме (*Таруево, Митчуево* и т. п.). Отмечались ойконимы, в структуре которых имеется прибал-

тийско-финский *-l*-вый формант (*Кургала, Кавгала* и др.).

Прибалтийско-финские антропонимы выявлены на основе анализа формальных показателей заимствования антропонимов. Формальными показателями являются: 1) фонетический маркер – сочетание звуков, не характерных для русской звуковой системы; 2) структурный маркер – формант *-уй (-ой, -ей, -ий)*, отмеченный в составе личного имени или патронима, например: *Meloi, Romoi, Prokoi*. Записанные в новгородских писцовых книгах прибалтийско-финские антропонимы фиксировались и изменялись в соответствии с русской антропонимической формой рубежа XV–XVI вв.

Результаты исследования и их обсуждение

На юго-восточном побережье Онежского озера, где находился Вытегорский погост на реке Вытегре, наряду с преобладающими славянскими присутствуют топонимы вепского происхождения. Деантропонимными являются вепские ойконимы *Рупеево / Рупуево < Rupoj / Ropoi* (вепс. *rupos* ‘оспенный рубец’), *Пупуево / Пупуево < Pipui, Аргуево < Argoi* (вепс. *arg* ‘робкий, пугливый’). Деревня *Рокульская* обязана своим названием одному из пяти родов «детей корельских» – рокульцам³. Надо полагать, члены этого рода владели землями на территории Вытегорского погоста.

На южном побережье Онежского озера, в Оштинском погосте, отмечаются многочисленные вторичные ойконимы, образованные от вепских гидронимов и ландшафтных понятий. Многие из этих топонимов продолжают использоваться в современном вепском языке, что подчеркнула в своей работе Йоалайд [18]. В писцовой книге отразились названия деревень на *Шим-озере* (*Šimgär*), *Пязь-озере* (*Пяжозеро, Pāžar*), *Пол-озере* (*Pol’gärν*), *Клено-озере* (*Vahtkär*), *Исторас-озерке / Старас-озерке* (*Torazjär*)⁴. Рядом с реками находились деревни на *Рыбежне* (*Kalajo-*

³ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Ленинград, 1930. С. 12–15.

⁴ Там же. С. 29–30.

gi) и на Хим-реке (*Himd'ogi*). В основе гидронима *Нойдола*, который имеет в своей структуре *-l*-вый формант, отразилась нехристианская религиозная традиция вепсов, поскольку название образовано от слова *noid* 'колдун'.

Ручьи также становились местом возникновения гнезд поселений. В Оштинском погосте встречаются деревни на *Пальт-ручью* (*paute* 'склон, косогор, межа'), на *Хав-ручью* (*Haugoja*, *haug* 'щука'), на *Касть-ручью* (*Kaskez*, *kaste* 'роса', *kastta* 'мочить') и на *Шусть-ручью* (*Šuštoja*)⁵. Вполне возможно, что в последнем гидрониме отразилась вепская форма гидронима *Ошта* – *Šušt* [18, 109]. Гидроним *Роп-ручей* получил название, вероятно, от вепского прозвища *Ropoi* < *ripos* 'оспенный рубец'. К ландшафтным топонимам вепского происхождения можно отнести названия деревень на *Немпелде* (*Nempeld*, *peldo* 'угодье, земля') и в *Ладве* (*Ladv* 'исток реки')⁶. Есть славянские топонимы-кальки с вепского языка, например деревня на *Курье горе*. Видимо, она же была записана в 1563 г. под названием на *Кукоеве горе*, где *kukoi* означает 'петух'⁷.

Расположенный на реке Ояти Венецкий погост также сохранил в своем описании вторичные ойконимы вепского происхождения. Об этом свидетельствуют названия деревень в *Озорех* (т. е. в *Озерах*, *Järved*), на *Ножмо-озере* (*Nažamjärv*), на *Шат-озере* (*Šatař*), на *Сар-озере* (*Sarjärv*), на *Кек-озере* (*Kekjärv*), на *Чик-озере* (*Čikjärv*), на *Туксе* (*Tukšar*) и в *Немже* (*Nemž*)⁸. Вепские *-l*-вые ойконимы подверглись славянской адаптации и получили форму с славянскими формантами *-ичи* / *-ицы*. Таковы поселения в *Каргиницах* (*Karhil*) и *Гонговичах* (*Hongl*). К этой же группе топонимов можно отне-

сти название самого погоста – *Винницы* (*Vingl*) [18, 110]⁹.

Вепская топонимия Никольского погоста в Пелушах (*Pöloi* < *pölo* 'сова') представлена преимущественно гидронимами: *Шугол-озерко* (*Šigoil*), *Вяло-озеро* (*Väl'l'ärv*), *Шидро-озеро* (*Šiddjärv*), *Сорво-озерко* / *Сорвас-озерко* (*Soddjärv*), *Мялко-озерко* / *Мялто-озерко* (*Mägjärv*). Гнездо деревень в *Чагине* имеет вепское название *Čäigi*. Кальками, или полными переводами с вепского языка, были лимонимы *Белое* (*Vagedjärv*) и *Свято-озеро* (*Pühjärv*) [18, 105]¹⁰. Название Егорьевского погоста в Койгушах связано с *Койгушским озером* (*koiv* 'береза'). С озерами связаны группы деревень на *Кангас-озерке* (*Kangasjärv*), *Люд-озере* (*Ledjärv*), *Сяк-озерке* (*Sägärv*) и *Салме-озерке* (*Sal'mjärv*). Вепским является название поселений в *Ретешу* (*Rätäšid*) [18, 106]¹¹.

Косвенно с Койгушским погостом связана купчая Спасского Ковалева монастыря на села по реке Тихвинке, датируемая XV в. Продавцами сел выступали «Прокуи с сыномъ своимъ съ Ористомъ и съ Ористомъ и съ Михаиломъ, и з брата-номъ своимъ Павломъ»¹². Имя *Прокуй* имеет прибалтийско-финскую форму *Prokoi*, образованную от календарного имени *Прокопий*. Вепская топонимия и антропонимия данной области позволяет предположить, что *Прокуй* был вепсом. Часть принадлежавших ему земель находилась на «Тихвине реке на Коивском пути», что позволяет связывать упомянутых в купчей лиц с Койгушским погостом. В грамоте уточняется, что «с Кугиком земля обча... то Святому Спасу, а Кугыку не надобе»¹³. *Кугык* – это некалендарное имя вепского происхождения (*kuha* 'судак')¹⁴. В качестве границ земельных владений *Прокуя* упоминается ряд вепс-

⁵ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 34, 37–38.

⁶ Там же. С. 34–35.

⁷ См.: Писцовые книги Новгородской земли. Санкт-Петербург, 1999. Т. 2. 224.

⁸ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 38, 40, 42–48.

⁹ См. также: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 38.

¹⁰ См. также: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 23–27.

¹¹ См. также: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 48, 50, 52.

¹² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва; Ленинград, 1949. С. 178.

¹³ Там же. С. 179.

¹⁴ См.: Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2014. С. 39.

ских топонимов: *Коркорово поле, Саро-зенская межа, озеро Водоярва, Парцева, мох* (т. е. болото) *Мунос*.

Михайловский погост в Озерах (вепс. *Järved*) имел в своем составе несколько деревень с деантропонимными названиями вепсского происхождения: *Курбасово / Курбосово, Нагуевское / Ногуевское и Конзуево*. С Михайловского погоста и далее на юг начинают встречаться деревни с названиями, образованными от этнонима *чудь*. Таковы несколько деревень в *Чудуцком конце* Михайловского погоста в Озерах, деревни в *Чудуцком конце Заполье, в Чудуцком конце Березовик и Клементьевское в Чудуцком конце* Климецкого погоста в Колбагах. В деревне Скоморохово Михайловского погоста в Озерах записан крестьянин *Ивашко Чухора*¹⁵. Этнографические исследования говорят о том, что *чухарями* (вепс. *čuhar'*) вепсов называли русские и карелы. Кроме того, до 20–30-х гг. XX в. в официальных источниках вепсы именовались *чудью* [10, 7].

По мнению Йоалайд, такие этнонимы, как в *Чудуцком конце*, возникают там, где совместно проживают славяне и вепсы [4, 79]. В погосте Никольский Готслава волок и южнее уже отсутствуют прибалтийско-финские топонимы. Единственный раз в названном погосте упоминается *деревня на каре у погоста*. Слово *kara* ('бухта, залив') относится к вепсскому языку. Таким образом, вепсская топонимия практически отсутствует к югу от Пелушского и Койгушского погостов. Вероятно, эта территория была освоена преимущественно славянами.

Неславянские антропонимы, в отличие от топонимов, были менее распространены в южном Обонежье. К югу от реки Свири, в Оштинском погосте, записаны *Якушко да Давыдко Гочюевы, Микифорик Ихкуев да сын его Васко, Ивашко Керчюй, Васко Келносов, Ивашко Мичюев, Карпик Олфуев да сын его Ивашко, Гридка Рахкоев, брат его Кирилло, Якушко Питков*. Встречаются и этнонимические прозвища: в деревне на Рыбежне записан *Ескя*

Карелянин, в деревне *Ладва* жили *Палка Кареленик, сын его Тимошка*¹⁶. Писцовая книга 1563 г. также содержит описание Оштинского погоста. В погосте записана деревня в *Ладве* *словет Тимофеевская Карева*, где проживал *Исачко Тимофеев Карев*. Антропоним *Карев (Karj/oi)* можно считать изменением прозвища *Кареленик (Karjalaine)* [14, 50]. В таком случае *Исачко Тимофеев Карев* – сын *Тимошки Карева* и внук *Палки Кареленика*. Единичные прибалтийско-финские антропонимы фиксируются в следующих погостах: Мытненском (*Ивашко Ратой, Куземка Ратоев*), Вытегорском (*Панфилко Варгуев, Самсонко Тогмуев*), Веницком на Ояти (*Карпик Олфуев, Гридка Рахкоев*), Егорьевском в Койгушах (*Фофанко Микуев, Мосейко Микуев*), Михайловском в Озерах (*Ларивонко Лентуев, Федотко Олтуев*).

Упомянутые прибалтийско-финские патронимы представляют как календарную, так и некалендарную антропонимию. К календарным относятся патронимы *Олфуев (Olfui < Елевферий)*, *Мичуев (Mičui < Димитрий)*, *Микуев (Mikoi < Михаил)*, *Лентуев (Lentui < Леонтий)*. Некоторые патронимы, производные от некалендарных имен, поддаются этимологизации: *Варгуев (Vargoi < вепс. vargaz 'вор')*, *Тогмуев (Tohmoi < вепс. tuhma 'некрасивый', tuhmassu 'уродливый')*, *Питков (Pitkoi < вепс. pitk' 'длинный')*, *Рахкоев (Rahkoi < вепс. rahkoi 'мифическое существо, домовый')*, *Ратоев (Ratoi < вепс. rata 'работать; обрабатывать лен / овины')*.

Единичные имена, которые в писцовой книге имеют славянскую форму, могут быть отнесены к прибалтийско-финским на основании писцовой книги 1563 г. В 1495/96 г. в деревне на *Тагжаме* Вытегорского погоста были записаны *Патрекейко Захаров да его дети Фофаник, да Максимка, да Митка*. В 1563 г. в том же погосте была сделана запись: *деревня на Тагжаме словет Патроева Гора*. Видимо, *Патрекейко Захаров* носил личное имя *Patroi (Патрикий)*, которое легло на основу ойконима.

¹⁵ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 53, 55, 56; Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. С. 264.

¹⁶ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 31, 35–37.

В 1495/96 г. в деревне *Каргашинской* Вытегорского погоста проживал *Васко Нестеров* с сыном *Якимкой*. К 1563 г. деревня *Каргашинская* была известна уже как *Вашоевская*. Вероятно, *Васко Нестеров* носил имя *Vašoi / Василий*. Эти немногочисленные примеры показывают, что календарные имена в славянской форме не могут являться гарантией того, что человек был славянином. В свою очередь, прибалтийско-финская антропонимия свидетельствует о том, что территории к югу от Онежского озера были освоены неславянским населением.

О наличии на территории юго-восточного Обонежья вепского населения можно судить по агиографическим источникам, поскольку писцового описания расположенных здесь в конце XV в. погостов не сохранилось. В «Житии Лазаря Муромского» упоминается *чудь*, в начале XIV в. проживавшая в бассейне реки Лёкшмы. *Чудь*, как уже было показано, может быть отождествлена с вепсами. «Житие Кирилла Челмогорского» сообщает, что в середине и второй половине XIV в. в районе Лёкшмозера «не крещены живущие в окрестных местех, иже имяху чудский языкъ и веру»¹⁷. Таким образом, в XIV в. в бассейне Лёкшмы, который примыкает к юго-восточному Обонежью, проживало вепское население.

Указанные сообщения вызывали сомнения у Н. А. Макарова. Он полагал, что оба жития составлены не ранее первой половины XVII в. и, следовательно, восходят к устным преданиям о чуде, а не к каким-либо ранним источникам, впоследствии утраченным [6, 132–133]. Однако лишь краткая редакция «Жития Лазаря Муромского» была создана около середины XVII в., при этом пространные редакции более древние: одна – середины XVI в., другая – рубежа XV–XVI вв., т. е. датируется временем писцового описания Обонежья. В основе жития лежит реальная

автобиография Лазаря Муромского, записанная в конце XIV в.¹⁸

К Обонежской пятине относилась территория погостов юго-восточного Приладожья, описания которых не сохранились. Тем не менее в источниках есть несколько упоминаний об этом регионе. Так, в 1460 г. Яков Гуреев и Матфей Петров купили у великокняжеского наместника Григория Васильевича право «обонежского суда». Судя по откупной грамоте, территория «обонежского суда» находилась в юго-восточном Приладожье, а именно – в низовьях Волхова, на реках Паше, Коже-ле, Свири, Ситомле, Ояти и Олонке. Грамота упоминает *Кукоевский погост* и ороним *Кукоева гора*: оба названия имели прибалтийско-финские корни (*Kukoi < kukoi 'петух'*)¹⁹. Название могло произойти в равной степени из карельской и вепской среды, однако последний вариант более вероятен ввиду близкого расположения вепских погостов.

По мнению В. Л. Янина, территория Обонежского суда в откупной грамоте 1460 г. совпадала с территорией, ограниченной Обонежским рядом согласно грамоте Святослава Ольговича от 1137 г.²⁰ К восточному и юго-восточному Приладожью в грамоте 1137 г. относились пункты, расположенные «во Олонци», «на Свири», «на Юсколе», «в Тервиничах», «оу Выюнице», на «устье Паши», «на Кокуеве горе», «на Масиеге низъ Сяси» и «въ Липне» [17, 148]. Очевидно, перечисленные пункты находились на реках Олонке, Свири, Паше и в низовьях Сяси. Ороним *Кокуева гора* (*Kukoeva gora*) известен по писцовому описанию Оштинского погоста на реке Оште²¹. В грамоте 1137 г. присутствуют прибалтийско-финские топонимы: *Масельга* (*moanselgä* 'горный хребет, служащий водоразделом водных систем'), *Юскола* с -l-вым формантом, а также славянизированные вепские топонимы *Тервиничи*, *Винницы*. В конце XV в. посе-

¹⁷ Барсов Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869. Петрозаводск, 1869. С. 6.

¹⁸ См.: Литвинова Н. К., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград, 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 290.

¹⁹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 149.

²⁰ См.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: хронолог. коммент. Москва, 1991. С. 184.

²¹ См.: Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. С. 224.

ление *Винницы* было центром погоста, расположенного на реке Ояти. Таким образом, в юго-восточном Приладожье уже в XIII в. известны поселения с прибалтийско-финскими названиями. Ряд этих поселений упоминается в XV в.

В юго-восточном Приладожье, в бассейне реки Сяси, находился Климецкой погост в Колбагах. Видимо, в названии погоста было зафиксировано древнее слово *колбяги*. Существуют различные точки зрения на этническую и социальную природу колбягов. Е. А. Рыздзевская, В. С. Кулешов и Д. А. Мачинский на основе археологических исследований курганов юго-восточного Приладожья предполагали, что колбяги представляли собой этносоциальный сплав из приладожского финноязычного и пришлого скандинавского населения [5; 7; 13]. По мнению Мачинского, именно колбяги оставили в юго-восточном Приладожье культуру курганов, которая датируется X–XIII вв. С. И. Кочуркина усматривала в Приладожской курганной культуре наследие западной группы летописной веси [11, 335–340]. Е. А. Рябинин считал, что именно эта группа веси выступает в письменных источниках под именем колбягов²². Е. А. Мельникова показала, что колбяги представляли собой этносоциальную группу, в которую входили скандинавские наемные воины и / или купцы на Руси и в Византии²³. А. С. Щавелев предложил объяснение тому, что в Приладожской культуре сочетаются скандинавские и прибалтийско-финские элементы. По его мнению, колбяги – это скандинавы, которые со временем перешли на прибалтийско-финскую речь [16, 116]. Как бы то ни было, вопрос с этнической принадлежностью колбягов окончательно не решен. Ясно то, что колбяги принадлежали к неславянскому населению Новгородской земли, историческая память о котором отразилась в названии погоста.

Этнографические исследования свидетельствуют, что в ряде деревень, за-

писанных в писцовую книгу 1495/96 г., вепсы проживали до середины XX в., в некоторых деревнях они присутствуют и в начале XXI в. Названия этих деревень претерпели изменения, но в целом они сохранили древний облик. Северные (или прионежские) вепсы населяли узкую прибрежную полосу в юго-западном Прионежье, протянувшуюся с юга на север от Гимреки до села Шокша. Наиболее крупные населенные пункты, в которых проживали и проживают северные вепсы, следующие: село Рыбрека (*деревня на Рыбежне* Оштинского погоста), деревни Каскесручей (*на Касть-ручью*), Гимрека (*на Хим-реке*), Ропручей (*на Роп-ручью*) и Щелейки (*на Щелейце*) [9, 180]. Рыбрецкий сельский Совет в 1994–2005 гг. входил в Вепскую национальную волость – автономию северных вепсов, включавшую 13 населенных пунктов. Таким образом, современным северным вепсам соответствует территория Оштинского погоста конца XV в.

Поселения средних вепсов территориально могут быть отнесены к Оштинскому и Веницкому погостам. Вепсы отмечены в деревнях Ладва (*деревня в Ладве* Оштинского погоста), Нойдола (название сохранилось до настоящего времени) и Пяозеро (*деревня на Пяз-озере*). В начале XX в. в этих деревнях жило малочисленное русское население, а основу жителей составляли вепсы. Наиболее крупным поселением шимозерских вепсов до 1959 г. было Шимозеро (*деревня на Шим-озере* Оштинского погоста) [9, 5, 181]. В 1959 г. шимозерские вепсы были переселены в Подпорожский и Винницкий районы Ленинградской области. Вепсы проживали в деревнях Чикозеро (*деревня на Чик-озере* Веницкого погоста), Гонгиничи (*деревня в Гонговичах*) и ныне упраздненном поселении Каргиничи (*деревня в Каргиничах* Веницкого погоста). Центр Веницкого погоста конца XV в. сейчас является селом Винницы – главным местом проживания вепсов Ленинградской области²⁴. Таким образом, во

²² См.: Древняя Русь в средневековом мире: энцикл. Москва, 2014. С. 115–116.

²³ Там же. С. 405–406.

²⁴ См.: Егоров С. Б. Указ. соч. С. 26.

второй половине XX – начале XXI в. вепсы проживали в ряде поселений, известных с конца XV в. в Оштинском и Веницком погостах.

В районе истоков реки Лидь по южным склонам Вепской возвышенности разместились деревни современных южных вепсов. Наиболее крупными поселениями южных вепсов в XX в. считались Радогоща (*деревня в Радогоще* Койгушского погоста) и Чайгино (*деревня в Чагине* Пелушского погоста). В настоящее время Радогощ является самым южным поселением вепсов²⁵. Таким образом, территория, на которой сложилась группа южных вепсов, в конце XV в. относилась к Койгушскому и Пелушскому погостам.

²⁵ См.: Егоров С. Б. Указ. соч. С. 52.

Судя по данным топонимии и антропонимии писцовых книг, население южного Обонежья было смешанным: оно состояло из славян, карел и вепсов. Карелы присутствовали на Олонецком перешейке и в юго-западном Прионежье. Во многом это было обусловлено миграционным потоком карел из северо-западного Приладожья. Вепсы проживали на обширных территориях юго-восточного и юго-западного Прионежья, бассейна реки Свири, а также на Оште. Этнографические исследования показали, что многие вепские поселения сохранились с конца XV до середины XX – начала XXI в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Витов М. В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 27–40.
2. Йоалайд М. Вепские погосты в XV–XVI вв. // Традиционная культура финноугров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: тез. докл. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. С. 61–62.
3. Йоалайд М. Топонимия писцовых книг как источник этнической истории // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: материалы конф. Архангельск: Правда Севера, 2002. С. 133–138.
4. Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. С. 76–83.
5. Кулешов В. С. Колбяги и Ладожское ярлство (заметки к теме) // Северная Русь и Балтика в середине XII столетия: сб. ст. Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2014. С. 129–139.
6. Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. Москва: Наука, 1990. 216 с.
7. Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев: сб. ст. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2004. С. 207–227.
8. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.
9. Пименов В. В. Вепсы: очерк этнич. истории и генезиса культуры. Москва; Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. 264 с.
10. Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности: сб. ст. Петрозаводск, 1989. С. 4–26.
11. Прибалтийско-финские народы России. Москва: Наука, 2003. 671 с.
12. Приображенский А. В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 166 с.
13. Рыздзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Известия АН СССР. Серия 7. 1934. № 7. С. 485–532.
14. Соболев А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 47–68.
15. Строгальщикова З. И. Вепсы: очерки истории и культуры. Санкт-Петербург: Инкери, 2014. 264 с.
16. Щавелев А. С. Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 112–121.
17. Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Москва: Наука, 1976. 240 с.
18. Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus // Mitmekeelisus ja keelevaihtus õdagumeresoomõ maiõ pääl. Võro Instituudi toimõndusõq. Tartu, 2006. L. 97–115.
19. Joalaid M. Russian cadastral registers as a source of Vepsian Onomastics // XX International Congress of Onomastic Sciences: Abstract. Santiago di Compostela, 1999. P. 101–102.

Поступила 09.02.2019, опубликована 18.09.2019

ETHNIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE SOUTHERN OBONEZHYE AT THE END OF THE XV CENTURY

Boris I. Chibisov,

*Candidate Sc. {History}, Senior lecturer, Department of Theology,
Tver State University
(Tver, Russia), Chibisov.BI@tversu.ru*

Introduction. On the southern coast of Lake Onega there is a significant layer of Baltic-Finnish geographical names. The medieval ethnic history of this region remains poorly understood. This is due to the fact that the Novgorod scribal books date back to the end of the XV century, the toponymic and anthroponymic material of which remains not quite sought after by historians. The study of this material makes it possible to shed light on the ethnic history of the southern Obonezhye.

Materials and Methods. The main source of research was the scribal book of Obonezhskaya pyatina of 7004 (1495/96). The descriptive method of research consists in identifying and fixing Baltic-Finnish oikonyms (names of rural settlements) and anthroponyms mentioned in the scribal book. It revealed Baltic-Finnish anthroponyms by analyzing the formal indicators of adoption of anthroponyms.

Results and Discussion. According to the toponymy and anthroponymy of the scribal book, the population of the southern Obonezhye was mixed: it consisted of Slavs, Karelians and Vepsians. Karelians were present on the Olonets isthmus and in the south-western Prionezhye. This is largely explained due to the migration flow of Karelians from the north-western Ladoga area. The Vepsians lived in vast areas of the south-eastern and south-western Prionezhye, the Svir River basin and Oshka. Ethnographic studies have shown that many Vepsian settlements survived from the end of the XV to the middle of the XX – the beginning of the XXI century.

Conclusion. The scribal book in the surviving fragments and Novgorodian acts indicate that by the end of the XV century the southern coast of Lake Onega was inhabited by various ethnic groups: Slavs, Karelians and Vepsians, as evidenced by the anthroponyms and toponyms of the southern part of Obonezhye.

Key words: Novgorod land; scribal books; Obonezhye; onomastics; Karelians; Vepsians.

For citation: Chibisov BI. Ethnic structure of the population of the Southern Obonezhye at the end of the XV century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 2: 195–204. (In Russian)

REFERENCES

1. Vitov MV. Heap type of settlement in the Russian north and its origin. *Sovetskaia etnografiia* = Soviet ethnography. 1955; 2: 27–40. (In Russian)
2. Yoalayd M. Vepsian pogosts in the XV–XVI centuries. *Traditsionnaia kul'tura finno-ugrov i sosebnikh narodov. Problemy kompleksnogo izucheniia* = Traditional culture of the Finno-Ugrians and neighboring peoples. Problems of complex study. Petrozavodsk; 1997: 61–62. (In Russian)
3. Yoalayd M. Toponymy of scribal books as a source of ethnic history. *Massovyye istochniki istorii i kul'tury Rossii XVI–XX vv.: materialy konf.* = Mass sources of Russian history and culture of the XVI–XX centuries. Conference proceedings. Arkhangel'sk; 2002: 133–138. (In Russian)
4. Yoalayd M. Ethnic territory of the Vepsians in the past. *Problemy istorii i kul'tury vepsskoy narodnosti* = Problems of the history and culture of the Vepsian people. Petrozavodsk, 1989: 76–83. (In Russian)
5. Kuleshov VS. Kolbyagians and Yarldhood of Ladoga (notes to the topic). *Severnaia Rus' i Baltika v seredine XII stoletiiia* = Northern Russia and Baltic in the middle of the XII century. Sankt-Peterburg; 2014: 129–139. (In Russian)
6. Makarov NA. Population of the Russian North in the XI–XIII centuries: Based on materials from the Eastern Prionezhie burial grounds. Moskva; 1990. (In Russian)
7. Machinskiy DA, Kuleshov VS. Kolbyagians. *Ladoga i Gleb Lebedev* = Ladoga and Gleb Lebedev. Sankt-Peterburg; 2004: 207–227. (In Russian)
8. Mullonen II. Toponymy of Prisvirye: Problems of ethno-linguistic contacts. Petrozavodsk; 2002. (In Russian)
9. Pimenov VV. Vepsians: Essay on the ethnic history and the genesis of culture. Moskva; Leningrad; 1965. (In Russian)
10. Pimenov VV, Strogalshchikova ZI. Vepsians: resettlement, history, problems of ethnic development. *Problemy istorii i kul'tury veps-*

- sloi narodnosti* = Problems of the history and culture of the Vepsian people. Petrozavodsk; 1989: 4–26. (In Russian)
11. Baltic-Finnish peoples of Russia. Moskva; 2003. (In Russian)
 12. Priobrazhenskiy AV. Russian toponymy of the Karelian Seaboard and Obonezhye in historical aspect. Petrozavodsk; 2013. (In Russian)
 13. Rydzevskaya EA. To the Varangian problem. *Izvestiia AN SSSR. Ser. 7* = News of the Academy of Sciences of the USSR. Series 7. 1934; 7: 485–532. (In Russian)
 14. Sobolev AI. Karelian heritage in toponymy of the South-Eastern Obonezhye. *Voprosy onomastiki* = Questions of onomastics. 2015; 1 (18): 47–68. (In Russian)
 15. Strogalshchikova ZI. Vepsians. Essays on history and culture. Sankt-Peterburg; 2014. (In Russian)
 16. Shchavelev AS. Ruses / roses in Eastern Europe: a model of invasion and some features of integration in the world of Eastern Slavs (second half of the IX–X centuries). *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Journal. 2013; 1: 112–121. (In Russian)
 17. Shchapov YaN. Ancient Russian princely charters of the XI–XV centuries. Moskva; 1976. (In Russian)
 18. Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus. Mitmekeelisus ja keelevaihtus õdagumeresoomõ maiõ pääl. Võro Instituudi toimõndusõq. Tartu; 2006: 97–115. (In Estonian)
 19. Joalaid M. Russian cadastral registers as a source of Vepsian Onomastics. XX International Congress of Onomastic Sciences: Abstract. Santiago di Compostela; 1999: 101–102. (In English)

Submitted 09.02.2019, published 18.09.2019